

Р. ЛОБАНОВА

ИВАН

ПЕТРОВИЧ, МОЙ

ЗНАКОМЫЙ

ЛЮДИ
З
ЗЕМЛИ
КУЗНЕЦКОЙ

P2
Л68

Р. ЛОБАНОВА

ИВАН ПЕТРОВИЧ, МОЙ ЗНАКОМЫЙ

41488-0

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
Ул. № 1
г. Ленинск-Кузнецкий Кемеров. обл.

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

Подчинилась земля мне, и я
Одарил ее красотой.
Земля сотворила меня,
Я же землю пересотворил —
Новой, лучшей, прекрасной — такой
Никогда она не была!

*Эдуардас Межелайтис,
«Человек»*

1

Привет, старик!

— Здравствуйте, Иван Петрович!

— Жми, жми, Петрович, наводи порядки!..

Иван Петрович не успевает отвечать на приветствия, то почтительные, то дружески-шутливые.

— Ну как, саженцы будете нынче продавать?

— Будем, будем. Заходи в профком, там списки составляют

— Слышь, Петрович, — ухватила его за рукав какая-то старушенция, — семена собрала — что дальше с ними делать-то?

— В бумажные мешочки да в погреб. Мешочки не завязывай, так и держи открытыми до самой весны...

3

Идет Иван Петрович Красильников по шахтерскому поселку своей молодой, летящей походкой, и я едва поспеваю за ним.

— Старик мой легок на ходу, смотрите — упарит он вас, — предупреждала меня супруга его, Елизавета Перфильевна.

И я стараюсь не отставать от Ивана Петровича. У меня к нему тоже дело есть. Но пока мы идем, поговорить не удастся: каждый встречный-поперечный его за рукав тянет, и ему часто приходится останавливаться. Отвечает он быстро, коротко. Подолгу не стоит, тарыбары не разводит. У него большое хозяйство, и день расписан по минутам. И если собеседник очень уж докучлив, ответы Ивана Петровича становятся все односложнее, он все нетерпеливее начинает переступать с ноги на ногу, покашливать. Наконец и его доброте и деликатности наступает предел. Тогда он быстрым движением приподнимает за козырек свою кепочку и, энергично водворив ее на место, разом прекращает затянувшийся разговор.

Мы идем дальше, и я замечаю, как иронически, одним глазом, не поворачивая головы, посматривает Иван Петрович на своих сверстников, посиживающих на скамейках под тенью высоких тополей. Больше всего на свете он презирает праздность, твердо полагая, что она причина многих моральных и физических недугов человека, а уж тем более — преждевременной старости.

Выйдя за поселок, мы поднялись на взгорок, откуда хорошо виден Новый городок, уютно расположившийся на широкой ладони степи.

Город — иначе и не назовешь сегодня шахтерский поселок Черту. А давно ли на этом месте глухое селение было? Со всех сторон обдували его горько-полынные ветры. Вокруг, сколько глаз видит, ни деревца, ни

кустика. В давние времена стояли здесь телеутские и татарские улусы. По этим местам проходили кочевые племена калмыков.

— До сих пор еще старожилы Беловского района одну из дорог называют «Калмыцкой», — говорит Иван Петрович. — А теперь вот у подножия терриконов новых мощных шахт поднялся молодой город со школами, клубами, библиотеками, больницами, с шестидесяти-тысячным населением. И отступила от него ковыльная степь аж до самых увалов берущего здесь начало Салаирского кряжа. По мощеным улицам снуют краснобокие автобусы, плывут по зеленой волне садов многоэтажные дома.

Какой бы улицей мы не шли — у Ивана Петровича памятная приметинка есть. Вот к этому дому он тополиные саженцы на машине подвозил. А у этого — три лозинки самолично посадил. Для агитации. Еще тогда новоселы, смеясь и поругиваясь (до чего же старик настырный!), побросали узлы, поплевали на ладони и, не успев перешагнуть порога нового дома, поддавшись «на агитацию», остальные лозинки в землю воткнули — нехай растут, корнями стены подпирают! А вот это деревцо, видите, с наплывом на стволе вроде опухоли — это его, еще не окрепшее, какой-то лиходей поранил. Так я ему косточки вправил — и живет, под третий этаж подбирается...

Обживались дома, укоренялись деревья. И однажды увидели люди, как красив их молодой город.

— Земля без деревьев — все равно, что человек без платья, — говорит Иван Петрович.

И вот уже много лет одевает он землю в зеленое платье. Неугомонность и неутомимость этого человека некоторых удивляет и даже озадачивает. Ну что ему надо? Ведь семьдесят. Ведь на пенсии. Жил бы в свое

удовольствие, разводил бы цветы под окошком, — никто и слова упрека не бросит

Все верно, все законно. Только не для него. Нет, на этой земле он не нахлебник. Он — труженик, преобразователь, борец. Посмотрите на его руки — узловатые, в черных трещинах, жесткие, загрубелые и в то же время добрые для всякой работы руки.

Когда я здороваюсь с Иваном Петровичем, я ощущаю не столько эту жесткость и загрубелость, сколько доброту его рук — так осторожно, так бережно принимает он мою ладонь в свою. Доброта скромная, застенчивая, не показная. И сразу как-то очень веришь, что такие руки никогда не причинят вреда ни человеку, ни дереву, ни земле.

Мало ли у нас любителей природы, которые не прочь поговорить о красоте заката, о высоте сибирского неба, о своих вкусно обставленных походах в тайгу. Но они же, не задумываясь, заламают черемухе руки, оставят в лесу горящий костер, осиротят насиженное птицей гнездо.

Потому что они «любители-потребители». Они привыкли только брать от земли ее запахи, ее краски, ее цветы. Ее молоко, ее мед и хлеб.

Вспоминаю, в одном доме отдыха, расположенном в чудесном бору, мне на каждом шагу встречались плакаты: «Лес — лучшее, что дарит природа. Берегите лес — богатство народа»

Плакаты висели на полуметровых железных ко-стылях, вбитых в живое тело могучих деревьев.

Так иногда мы «любим» природу...

К счастью, много у нас и настоящих рыцарей природы. Преданных, самоотверженных ее служителей. Иван Петрович, мой знакомый, — один из них. И о нем я хочу рассказать.

В этих, так неузнаваемо обновленных советским человеком, местах молодые годы Ивана Петровича прошли в батрачестве у русских и татарских богатеев.

— Со старшим братом Кирсаном вместе к кулакам нанимались. Мал я еще был, жалел меня брат и, чтоб я не надорвался на тяжелой работе,— многое на себя брал. Для батраков у местных хозяев не то что еда — иконы разные были. Хозяева молились на медные, мы — на деревянные. А если случайно перед медной поклон отобьешь, хозяйка икону в гущу из-под кваса опускала, чтоб гуща наше моление отъедала. Брезговала, значит. Было в этой хозяйке живого веса девять пудов. Про нее на деревне говорили: «У Софроновны с горя да печали сравнялась шея с плечами...»

В начале двадцатых годов, придя со службы в Красной Армии, Иван Красильников вместе с дружками своими, такими же бедняками — Полежаевым, Макаровым, Урусовым, Сметанниковым и другими — организовал первый в этих местах колхоз «Проба».

— Почему такое необычное название? Всякие предлагались. и «Заря коммунизма», и «Смерть капиталу». Долго судили да рядили — очень уж серьезный поворот в жизни получался. Только-только еще пробовали жить по-новому. Вот отсюда и название — «Проба»...

Иван Красильников был первым председателем артели. До сих пор хранится у него «Трудовая книжка колхозника № 1». Уцелел и «Устав товарищества по совместной обработке земли» от 27 июня 1925 года с подписями всех первых пятнадцати его членов.

Любопытный это документ. На оборотной стороне обложки Устава Всероссийский кооперативный изда-

тельский союз предлагал крестьянам книги, справочники, лекции, наглядные пособия и различные руководства по изучению тракторов иностранных фирм «Фордзон» и «Ойль-Пулль» Своих-то не было еще!

Но тогда вчерашним батракам сельхозартели «Проба» не за что было приобрести обыкновенную сенокосилку, не то что «Ойль-Пулль» В том году во всем Кузнецком округе едва насчитывалось полтора десятка «фордзонов»

Давным-давно уже нет маленькой сельхозартели «Проба» Давным-давно на этих землях шумят половодьем бескрайние пшеничные поля объединенного колхоза имени XVIII партсъезда. Но первый председатель по старой памяти, да и по обязанности партийного агитатора, пристрастно интересуется статистикой местной сельской экономики. В нынешнем колхозе, оказывается, девять тракторов и восемь комбайнов, семь грузовых автомашин, около ста сеялок, тракторных плугов, лушильников, сортировок, зернопогрузчиков и прочего и прочего...

Иван Петрович расскажет вам, сколько и чего построили за последние два года в колхозе, как растут общественные доходы хозяйства, сколько в деревне своей, доморощенной интеллигенции — врачей, учителей, агрономов, библиотекарей.

А все потому, что на земле он не нахлебник, «не постоялец», как любит он говорить.

Сорок лет назад, будучи председателем сельхозартели, он открыл в деревне Заречной первую школу По правде сказать, тогда он и сам не ахти как был подкован по части знаний. Но зато он твердо знал: «Мы не рабы» — и учил этому детей.

А еще с тех лет и по сию пору Иван Петрович — корреспондент сельских и рабочих газет Подобно гро-

му среди ясного дня была его первая заметка в «Бедноте» о происках кулачества в глухом сибирском селе. Не раз стреляли в него из-за темного угла. В личном архиве Ивана Петровича рядом с депутатским билетом лежит письмо краевой сибирской газеты «Сельская правда», где сообщалось, что, как активный селькор, он застрахован государством; что органами пролетарской власти принимаются меры к защите селькоров и их семей на случай «преступных действий классовых врагов»

Какими штормовыми ветрами пахнуло от этого полуистрепанного листка бумаги! Много героического и трагического хранит память Ивана Петровича о первых годах революции в Сибири. В дни кровавой колчаковской диктатуры он сам побывал в лапах у карателей. Помнит страшную смерть вожака партизанского подполья Якова Семынина. Однажды Семынин попал в засаду. Долго мучили его, изгалялись над ним колчаковцы. А потом обрезали уши, отрубили руки и ноги.

Здесь, по этой земле, проходили легендарные отряды народных мстителей. Запомнился Мамонтов — партизанский командир — на коне, в голубой трофейной шинели. А за ним мужики, кто в чем! И лес самодельных пик с железными наконечниками.

Здесь член волостного ревкома Иван Красильников во главе маленького вооруженного отряда добывал для бедноты хлеб из кулацких ям. Хлеб, глубоко запрятанный в снега, в степные курганы, в хитрые подполья.

— Бывало, спать ложишься — знай, где сапоги, где шапка. Что ни ночь, то тревога.

То звоном разбитого стекла, то предательским выстрелом обрывалась ночная тишь. Прибегут на помощь, а уж поздно. На столе коптилка чадит. За столом — деревенский активист. Головой в книгу уткнулся, будто дремлет...

Была смерть, но была и жизнь, и борьба. Была любовь и мечта. Еще в двадцатых годах завел он тетрадь, которой поверял все, чем восхищала и радовала его родная природа. Вот тонкокорая береза — стоит одна в чистом поле, ничем не укрытая, беззащитная перед лютой стужей и сибирскими ветрами. До того за зиму промерзает, что звон идет от нее, словно от железной. А по весне, как ни в чем не бывало — снова зеленая, нарядная, полная пьянящего прохладного сока. Вот бы яблоки так росли, наливные, румяные! Но нет в Сибири этой радости. В первый раз яблоко на дереве увидел он, когда отбывал действительную в первую мировую войну. Земля в тех краях не в пример хуже нашей, думал он. Мало тепла у нас? Короткое лето? Все это верно. Ну, а если попробовать?

Как-то поделился своими думками с односельчанами, так на смех же подняли: ишь, чего захотел — в Сибири — яблоки!

Или вот еще: иной раз после осенних колких утренников такие дни пойдут, что черемуха второй цвет выбрасывает, одуванчик вновь желтую шапку надевает...

Наивные размышления привели к глубоким раздумьям, к книгам Тимирязева, Мичурина. В тетрадке появились первые отметки о температуре, осадках, глубине снежного покрова. Книги открывали перед ним закономерности явлений природы, помогали приводить свои наблюдения в систему. С годами мечта выросла в твердую уверенность. Дети сибирского села Заречного узнают вкус яблока!

А время шло.

Деревенский учитель-самоучка стал профессиональ-

ным педагогом. Окончив Барнаульский педагогический техникум, он на пятьдесят втором году жизни стал заочником географического отделения Томского университета. Его зачетные работы удивляли обилием практических наблюдений, интересными выводами, обобщающими многолетние записи по метеорологии и фенологии.

Он не хотел, чтобы его мечта стала уделом одиночки, и всю свою сознательную жизнь готовил себе единомышленников. Там, где школьную программу вел учитель Красильников, обязательным предметом значилось «древонасаждение». Дети, которых он учил основам наук, умели радоваться синему огоньку подснежника, щедрым краскам осени. Умели грустить при виде протянувшейся к югу пунктирной строчки улетающих журавлей. Он не пытался рассеять такую грусть, пусть под рукой природы поют струны сердца. В этом он видел красоту человека.

Он считал и считает своим партийным долгом внушать молодежи глубокий моральный смысл таких понятий, как «общество», «труд», «природа». И когда Иван Петрович говорит, что, собственно, садоводством он занимается лет пятнадцать, мне хочется к этому «стажу» прибавить и тридцать лет его учительства.

Сорок пять лет его труда не прошли даром. По всей округе с его легкой руки плодоносящие яблони давно перестали быть дивом.

Но Ивану Петровичу этого мало. Он задумал вывести яблони за ограды мелких частных садиков на просторы общественных парков, и уже много лет отдает осуществлению этой мечты свой труд и вдохновение.

На другом конце Нового городка, у подножия синих терриконов гигантской шахты «Чертинская-Южная», стараниями Ивана Петровича заложен новый, третий по счету парк на площади в пятнадцать гектаров.

— Это уже не мое кустарное изобретение, — говорит он. — Парк заложен по специальному проекту Гипрошахтостроя, разработанному профессором Лунцем.

Иван Петрович достает из нагрудного кармана гимнастерки изрядно потрепанный чертеж на кальке и, водя по нему черным указательным пальцем, увлеченно говорит о новом своем детище.

Четыре года назад чертеж был просто неодушевленной бумагой. Рассматривая тогда красиво вычерченные линии, пеструю мозаику квадратов, полукружий и треугольников, Иван Петрович — садовод Беловского стройтреста — думал о том, как вдохнуть в них настоящую жизнь.

Словно полководец над картой предстоящего сражения, он подолгу изучал проект. Вот сюда, на этот квадрат, он бросит купу могучих сибирских кедров, эта площадка будет обрамлена затейливой резьбой карагача; а здесь хорошо впишутся остролистые клены: на этой аллее он выстроит зеленое войско сосен... А на открытых полянах надо поселить вязы, — только здесь, на просторе, будет видна людям их гордая краса.

...Мы сейчас в центре этого парка.

— Смотрите сюда, — говорит Иван Петрович.

И я вижу зеленое пламя молоденьких сосен. Еще взмах руки Ивана Петровича — и линия чертежа оборачивается оранжевой от осеннего загара, шелестящей на ветру лентой яблонь...

Я смотрю уже не столько на эти чудеса, сколько на Ивана Петровича. Маленький, сухонький, неожиданно быстрый для своих семидесяти лет, он напоминает мне старичка-полевичка из русской сказки. Мне кажется — он все может! Махнет рукой — и на той вон голой сопке зашумит дубрава, поведет своей седенькой бровью — и заплещется море...

Ведь вот же он парк, вот они шесть тысяч яблонь, вымахавших в два человеческих роста!

— Через год все они дадут полновесный урожай, — говорит старичок-полевичок. — Да еще прикиньте двенадцать тысяч сосен, три тысячи вязов, семь тысяч тополей, десятки сотен кустов черемухи, боярки, сотни тысяч цветов...

И яблоки, много яблок, с такими красивыми названиями: пепин шафранный, бельфлер китайка...

— Читал я, что какой-то мохнатый собственник, — говорит вдруг Иван Петрович, — к каждой своей яблоне электрический ток подвел, жизнь человеческую загубил за одно сорванное в его саду яблоко! Страшно это и горько. Вот и хочется мне, чтобы в нашем парке каждый парень мог безбоязненно снять с дерева яблоко и подарить его своей девушке.

«...Тихонько скользнув из-за пазухи девушки скромной, яблоко падает вдруг, — тайный подарок любви»

Очаровательны стихи Катуллы! Но в словах Ивана Петровича я слышу не меньше поэзии.

...Пусть каждый парень подарит своей девушке яблоко.

Я вижу тебя в тени деревьев, которые вырастил мой знакомый человек для тебя, девушка с яблоком на ладони. Радостная и смущенная, с рдеющими щеками, ты сообщая этому яблоку свое тепло, тепло любви. Тепло, которое не может дать ни земля, ни небо, ни солн-

це. Лишь человек, поворачивающий реки вспять. Переделывающий климат Превращающий пустыри в сады. Лишь человек, способный тронуть твои губы улыбкой, зажечь глаза твои счастьем, девушка с яблоком на ладони...

5

— **А** здесь будет наше Чертинское море, — слышу я голос Ивана Петровича.

Мы на краю огромного котлована — будущего искусственного озера в миллион кубометров воды. Его берега уже устилает мелкая речная галька — здесь будет пляж, лодочная станция, водяные вышки — все, чему положено быть на большом настоящем озере.

Озеро тоже предусмотрено в проекте профессора Лунца.

— Но есть у меня к этому проекту своя небольшая поправочка, — говорит Иван Петрович, — и это я вам сейчас покажу

Он ведет меня куда-то через заросли черемухи и молодых елей, то появляясь, то внезапно исчезая. Наконец, он останавливается и весело говорит:

— Вот... Смотрите!

Я смотрю, но ничего особенного не вижу. За невысокой деревянной оградой — пустырь не пустырь, но и не сад во всяком случае. Скорее поле, гектара на полтора-два. На нем какие-то кустики с облетевшими листьями, ряды мелких канавок, притрушенных сеном...

Сняв кепку и утирая платком вспотевший лоб, Иван Петрович озорно поглядывал на меня из-под бровей. В ответ на мой вопросительный взгляд он пояснил:

— Ботанический сад. Первый в Кузбассе.

— Это?!

— Причем, учтите — под открытым небом, — продолжал Иван Петрович, словно не замечая моего удивления. — Давняя моя мечта. Так сказать, подарок молодому поколению. Вот выращу, а тогда уж...

Голос Ивана Петровича предательски дрогнул. Он покашлял. Надвинув свою кепочку пониже, — не выносят, понимаете, стариковские глаза яркого солнца да и только!

А когда он впустил меня в калитку да разворошил в канавках сено, я увидела, что это не просто поле, а питомник с сотнями укоренившихся плодовых и декоративных растений.

Выращенные им из семян сибирские кедры, горно-алтайская черноплодная рябина, штамбовые груши, стелющиеся яблони, вишня, сирень, розы — все, чему и положено быть в ботаническом саду, посажено здесь.

Иван Петрович съездил в Новосибирск к своему другу старшему научному сотруднику Ботанического сада Академии наук Михаилу Николаевичу Саламатову. И тот не только одобрил начинание Красильникова, но и помог в приобретении редких семян и саженцев. А научный сотрудник Горно-Алтайской опытной станции Зоя Сергеевна Зотова дала неоценимые советы по культуре ягодников.

Прошел Иван Петрович, как он выражается, и «ходячий университет» в Бердском плодово-ягодном питомнике.

Директор Ростовского розария Степан Григорьевич Казаченко выслал для кузбасского ботанического сада пятьдесят корней роз. Из Горьковского питомника цитрусовых получены инжир и павловские лимоны.

Шлют семена и саженцы из Омска, Хабаровска, Владивостока, Южного Сахалина. В любом уголке

страны есть у Ивана Петровича друзья и советчики, готовые всегда помочь его начинаниям. Будут, обязательно будут в шахтерском ботаническом саду и брестские орехи, и диковинная актинидия из Приморья, и дальневосточный корень жизни. Все будет, раз взялся за это Иван Петрович. И дети Нового городка уже не по картинкам, а воочию увидят, чем богата родная советская земля.

Но главный дар Ивана Петровича своим землякам — урожайный, совершенно надежный, выверенный и опробованный многими годами опытов, защищенный от капризов нашего климата, зимостойкий виноград собственной Ивана Петровича селекции.

...Он и сам не заметил, как из робкого опытника превратился в селекционера, в преобразователя природы, последовательно внедряющего заветы великого Мичурина. Десять лет выработывал он свои особые приемы черенкования, посадки, укоренения и выращивания винограда в открытом грунте, и сейчас с уверенностью человека, прошедшего через неудачи, огорчения и радости открытий, говорит:

— Виноград у нас в Сибири расти должен, как картошка.

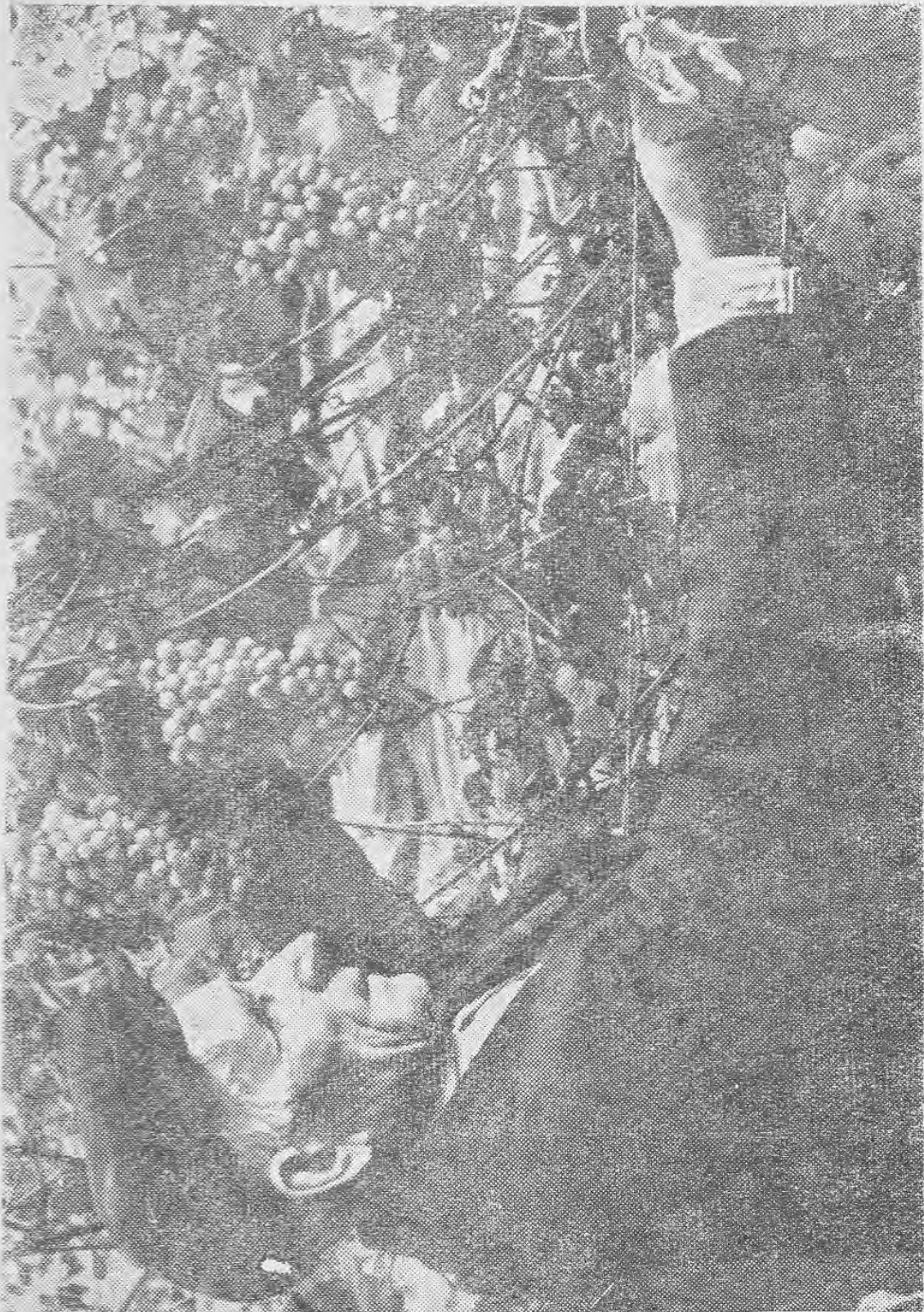
— Тот самый виноград, который привозят к нам в решетях за тысячи верст из Молдавии, Грузии, Таджикистана?!

— Да.

6

Виноград... Века существует на радость людям эта многолетняя лиана с причудливыми резными листьями, с нарядными ветвями, украшенными полновесными

-41488-

Вот она, пронизанная солнцем виноградная гроздь, выращенная
Иваном Петровичем!

2 Р Лобанова.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
Иван М
г. Ленинск-Кузнецкий, Кемеров. обл.

гроздьями плодов. Тысячами сортов винограда одарила нас природа. И в каждом — свой неповторимый вкус, свой особый рисунок, цвет, аромат. Его изображения украшают древнейшие египетские фрески, его лоза и плоды для многих народов, уже давно исчезнувших с лица земли, были символом благополучия и изобилия. Его пьянящую сладость воспевали поэты античного мира. Но растет виноград не везде. Капризен виноград. Скажем, в Сибири ему слишком холодно, а во многих местах Африки — чересчур жарко. Попробуй, угоди такому!

Лишь Мичурину путем многолетнего отбора и скрещивания различных пар растений удалось получить зимостойкие северные сорта винограда.

«В очень недавнем прошлом было бы полнейшей утопией мечтать о виноградарстве на открытом воздухе в средней полосе России. С появлением же сорта «Северного» я нахожу возможным не только рекомендовать его для культуры в Европейской России до Москвы включительно, но даже для некоторых мест Сибири, а именно для лесной полосы Томской, Енисейской и Иркутской губерний, как местностей, имеющих раннее появление глубокого снега, нередко даже на талую землю, в особенности же близ больших рек и озер, где вредное влияние поздних весенних утренников парализуется туманами и теплым испарением воды. Для вызревания же как ягод, так и древесины лоз этого сорта винограда длина лета и сумма тепла более чем достаточны. В этом и сомневаться нечего, так как известно, что в этих местах лето жарче нашего»

Так писал И. В. Мичурин шестьдесят лет назад.

Иван Петрович был еще босоногим мальчишкой — подпаском в те времена, когда великий садовод уже пришел к неоспоримому выводу: «...вообще нужно ска-

зять, несмотря на то, что он (виноград — Р. Л.) растение теплых стран, сеянцы некоторых разновидностей его могут приспособиться к таким климатическим условиям, при которых даже простые сорта наших яблонь не могут успешно развиваться, и как бы ни казался невероятным такое мое сообщение, на деле это неопровержимый факт».

Снова и снова Иван Петрович просматривал свои тетради, в которых вот уже сорок лет изо дня в день он записывает температуру воздуха и почвы, заносит фенологические наблюдения. На что-нибудь должны же они пригодиться!

Он сделал адски кропотливую работу — составил температурную карту местности за все сорок лет. И когда сопоставил данные по месяцам, поразился стройной цикличности вырабатываемых природой тепла и влаги. Правда, в этом «расписании», бывали и отклонения. Но разница не превышала всего лишь нескольких дней. Он перечитал уйму книг, различных руководств и рекомендаций, прежде чем посадил выписанную издавека виноградную лозинку. Вот тут-то и началось!

7

Елизавета Перфильевна руками всплеснула, увидев, что ее старик утаптывает снег под окошком.

— Что ты это, Ваня?

Иван Петрович отмахнулся: не мешай, мол.

Утрамбовав как следует снег, он сунул в него градусник. Оказалось — минус двенадцать. А ну-ка, посмотрим, сколько в рыхлом? В рыхлом снегу — минус девять.

Вот тебе и топтание на месте! Вот, значит, почему в прошлом году лозы, укрытые сверх пихтового лапника плотно прибитым снегом, погибли, а под рыхлым снегом полностью сохранились.

Сколько же надо терпения, труда, чтобы выпытать у природы ее тайны!

Немало непознанного еще и в культуре винограда. Взять хотя бы возраст виноградной лозы. По общепринятому мнению, наибольший срок ее жизни — восемьдесят лет. Но вот совсем недавно отыскалась в Абхазии плодоносящая виноградная лоза в возрасте более 250 лет. И она дает урожай, равный урожаю небольшой виноградной плантации.

Чудесные свойства заложены в маленьком виноградном черенке. Но как пробудить их в условиях резко континентального климата, как приспособить развитие этих свойств к бурно протекающим, сжатым срокам вегетации наших мест? Как уберечь нежные виноградные побеги от неожиданных весенних заморозков? А обманчивое осеннее тепло с мгновенными переходами к морозам?

Книги не давали ответа на эти вопросы. А твердое следование инструкциям по виноградарству стоило Ивану Петровичу трех лет полнейших неудач. То лозы сгниют, то покроются плесенью, то рано раскрыл, то поздно закрыл...

Виноградная лоза пробуждается весной к росту лишь тогда, когда температура почвы на глубине сорока—пятидесяти сантиметров достигает восьми—десяти градусов тепла. Так сказано во всех руководствах. Прикинул Иван Петрович, когда же такая благодать снизойдет на сибирскую землю — и оказалось, что не раньше как в июле! Вот тебе раз, — присвистнул он. — Какой же может быть разговор о винограде?! Когда же

ему, бедному, листом одеваться да цвести, да ягоды завязывать, да созревать?

Нет, не устраивают Ивана Петровича такие сроки.

— А кто ты такой есть, Иван Петрович?

— Ну, мичуринец.

— А что значит мичуринец?

— И гадать нечего — это всякий пионер знает: мичуринец — значит новатор, смелый человек. А главное — думающий, не ждущий милости от природы, а берущий их с бою.

— Так думай же, борись, Иван Петрович!

— Да-а, поборись тут! Первого мая температура воздуха минус один. Третьего мая — минус два. Шестого мая — минус четыре градуса. А на следующий день в два часа в тени — двадцать градусов тепла.

— Значит, сдаешься. Выходит, ты и есть тот самый «сострадательный наблюдатель» природы, о котором так иронически писал в свое время любимый и чтимый тобой Климент Аркадьевич Тимирязев. Если ты способен только наблюдать и ахать, но не анализировать и делать выводы — тогда возьми свои записи за сорок лет и выброси их в печку. Ни тебе, ни людям они не нужны. Разве сила и логика ума даны человеку не для того, чтобы выпытать у природы «ответы на свои вопросы... чтобы завладеть ею и, подчинив ее себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать или прекращать, видоизменять или направлять жизненные явления»?

Сколько раз он перечитывал эти страстные слова Тимирязева, сколько ночей просиживал над прекрасной и увлекательнейшей из книг о жизни растений! Она учила его проникать в тайны «изящной простоты» физиологических законов живой природы; она учила его смелости исследователя и естествоиспытателя; она бу-

дила в нем тот самый «умственный аппетит», который не позволяет закоснеть и застояться живой мысли и энтузиазму мечтателя.

Так думай же, думай, Иван Петрович! А может, не только бороться, но и подмогнуть природе надо? А ну-ка, вспомни брошенную вскользь фразу Мичурина насчет того, что весенние сибирские утренники естественно парализуются туманами и теплыми испарениями воды. Ведь это же один из ключиков от тайностей природы!

И вот в начале апреля, когда всего два-три градуса тепла, когда и воробей боится еще к луже подойти. Иван Петрович ведрами начал лить воду под виноградные кусты. Иные головами качали: совсем зачудился старик со своими опытами. А он польет кусты и снова их прикроет сухим сеном. Польет — и прикроет. Все еще тихо в природе. А под этими кустами под воздействием влаги начинается своеобразная аккумуляция тепла. Тут-то и пробуждается виноградная лоза в нарушение инструкции на два с половиной месяца раньше!

А что из этого получилось — рассказывают лаконичные записи в садовом дневнике:

«8 апреля — раскрыл виноград для просушки на день.

10 апреля — пробудил к росту

12 апреля — раскрыл на все лето.

20 мая — появились соцветия.

6 июня — зацвел виноград.

13 июня — появились первые ягодки.

25 августа — созрел виноград!»

Моряк, ступивший на берег родной земли, авиаинжендер, увидевший свою машину в полете, художник, сделавший последний штрих в картине, радовались, видимо, не больше, чем Иван Петрович, снявший первую гроздь винограда, вызревшую под сибирским небом.

Победа! Или, может быть, случайность?

Ликование уступило место трезвому, беспристрастному анализу. Есть такое научное слово — «полярность». Это способность некоторых тел, в том числе и растений, проявлять известные свойства с наибольшей интенсивностью лишь в некоторых точках своей поверхности. Вы, наверное, замечали, что даже самый примитивный садовод, подрезает весной ветку малины по самую сильную почку. Не выше, не ниже. Если оставить ветку необрезанной, плоды будут мелкие и вся сила куста уйдет, как говорится, в траву. Делая же подрезку в нужном месте, садовод искусственно прекращает рост древесины и корней и всю жизнедеятельность растения направляет на плодоношение.

Контрольные виноградные лозы, которым Иван Петрович дал полную волю, выросли до восьми метров. На них было до полутора гроздей, но ягоды получились мелкими, терпкими и кислыми на вкус. Плодоносящему виноградному кусту ни к чему высокий рост. Полярностью винограда можно и нужно управлять. И Иван Петрович вполне постиг это искусство.

Но еще два года опытов, два года кропотливого изучения свойств развития виноградной лозы по стадиям и фазам потребовались Ивану Петровичу, чтобы выработать совершенно надежную для наших условий агротехнику винограда в открытом грунте.

Сотни зарисовок и расчетов появились в заветных тетрадах. Вот так, например, выглядит пригодный для размножения виноградный отводок, а так — черенок. Это междоузлие необходимо при посадке оставить, а это срезать. Таким был саженец весной в момент посадки, а вот каким он стал осенью...

Диафрагма ствола, его узлы, соцветия, глазки, усики — все, каждый штришок в «портрете» виноградной лозы, досконально исследованы, изучены, пропущены через пылливый ум садовода-преобразователя. Так он выработал свои методы укрытия растений на зиму, искусственного пробуждения их весной и обрезки виноградных лоз до главного момента плодоношения.

9

Но лишь после семи лет опытнической работы решился Иван Петрович обнародовать свои результаты, хотя давным-давно по всей округе уже двести мичуринцев осваивают виноградарское дело. Каждую осень Иван Петрович раздает безвозмездно до двух тысяч черенков и отводков винограда, выведенного им в открытом грунте. Берите, люди, садите, пусть виноград у нас в Сибири растет, как картошка!

Итак, он решился, и во всесоюзном журнале «Садоводство» появилась его статья «Виноград в Сибири». Того, что после этого произошло, он не только не ожидал, но даже и предполагать не мог. Десятки, сотни писем пошли со всей страны в неведомый никому доселе кузбасский поселок Черта, на Омскую, 31. В первый же месяц он получил их четыреста. И вот уже третий год поток писем не прекращается. Из девяти республик, тридцати областей, четырех краев да еще с Сахалина

и Камчатки пишут Ивану Петровичу ученые-садоводы, научные работники исследовательских институтов, опытных станций, плодопитомников, мичуринцы колхозных садов. И люди, которые в жизни своей не посадили еще ни одного дерева. Но вот разбередил их сибиряк...

Уже далеко за полночь, вдоволь набегавшись по зеленостроевским делам, садится Иван Петрович за стол, чтобы ответить своим корреспондентам. Ни одно письмо без ответа — таков его девиз и неукоснительное правило.

Но прежде чем взяться за перо, он обязательно поговорит со своими тетрадками о том, чего другой в суматохе дня и не заметит: как «из-под снега течет струйка весенней воды», как «волоса тополей в ветреных струях дрожат...»

Весна! Все-то, все знает про тебя Иван Петрович!

Однажды утром, когда у тебя было хорошее настроение, ты вдруг взяла и рассыпала по земле хрустальные бусинки первой капли...

Потом, расшалившись, ты подпалила оранжевыми жарками луга...

А немного погодя, стала деловито вить птицам гнезда.

Потом ты навешивала на тополя нарядные сережки.

Горстями разбрасывала по полянам черемуховый цвет

А на старой разлапистой ели взяла и зажгла розовые лесные свечи.

И тогда на праздник земли вышла в белом платочке яблоня...

И еще знает Иван Петрович, мой знакомый, какая величавая, плавная походка у лета. Когда роятся пчелы. Полыхают зарницы. Падают звезды.

Все-все знает про тебя, земля, твой труженик и поэт!
Беден тот, кто не видит, как прекрасна ты, земля, в пору своего пробуждения, кто ни разу не испытал благодатной усталости человека, всласть потрудившегося для тебя.

И в тридцать областей, четыре республики, девять краев, на Сахалин и на Камчатку вместе с семенами и отводками идут из поселка Черты горячие позывные: «Люди, украшайте землю, любите ее, прибавляйте ей изобилия!»

— Вас понял, прием!

«Вы правы, — отвечает колхозник Федор Блажко из села Сосновки Семипалатинской области. — Весь наш народ сейчас с таким напряжением работает, что стать в стороне наблюдателем просто не хватает сил! У нас садоводство — еще не тронутая целина, и мой молодой сад, который я закладываю, будет как бы первой бороздой по этой целине...»

А Василий Кренденков из Тулуна заканчивает свое письмо так:

«От всего сердца благодарю вас, что вы не замкнулись в своих достижениях. Вы вырастили 25 сортов винограда, и где? — в Сибири! Не так уж дороги плоды этого винограда, как дорога нам родная наша Сибирь. И мы совместно будем стараться, чтобы росла и набухла, как почка, мечта великого Мичурина»

10

Пусть растет, набухает почка мечты, добрых дел, добрых задумок твоих, человек!

По мнению Ивана Петровича, у каждого есть такая удивительная почка.

Только не у каждого она раскрывается. Случаются и на нее свои заморозки, свои суховеи, колючие снега и гнилые дожди. Иногда она погибает, не успев развернуться.

— История с одним парнишкой у меня была. Теперь это уже не парнишка, а в полном смысле человек. А тогда хлопот с ним много было. Фамилия, имя? Ну, допустим, Ленька. Так вот этот Ленька...

Был подросток грозой не только своего седьмого класса, а и всей школы. Сладу не знали с ним ни родители, ни учителя. Мелкие, но скверные шалости его кончились совсем некрасиво — что плохо лежит — в школе, у товарищей — все его.

Однажды весной, когда Иван Петрович затеял насадить очередной парк, вся школа в свободное от уроков время выходила ему на помощь. Ленька тоже. Слышал о его художествах Иван Петрович и все старался его поближе около себя держать. Работу давал потруднее. Между делом об опытах своих рассказывал, прививку учил делать. Ленька слушал, вопросы задавал. Интересно! А скоро он свободно рассуждал о подвое и привое, штамбах и щитках, всяких там окулировках...

Но в школе нет-нет, да и выкинет какой-нибудь номер. Ребята не без ревнивого ехидства докладывали Ивану Петровичу:

— А ваш Ленька опять...

«Эх, Ленька, Ленька, — думал иногда Иван Петрович, — весь ты в сучках узловатых, рогозливый какой-то, растешь как попало, будто дерево неухоженное»

— И вот вышел у меня с этим Ленькой случай. Да такой, доложу я вам, случай, что прихватил он меня вроде июньского заморозка. Врасплох, значит...

Однажды сказали ребята Ивану Петровичу:

— А ваш Ленька яблоню спер! Как? Очень просто — выкопал в парке и унес к себе домой.

Во дворе дома нос к носу столкнулся он с Ленькой.

— Где яблоня? — без обиняков спросил Иван Петрович.

Ленька побледнел, метнулся под навес и, пряча в землю глаза, положил деревцо к ногам Ивана Петровича. «Все как следует быть, — отметил тот про себя. — И корневище с маточной землей, и мешковина мокрая.. Выучил, одним словом, старый дурак...»

Долго так они стояли друг против друга. Яблонька между ними.

Иван Петрович не ругался. Не грозился. Молчал почему-то. И от этой ли молчанки, оттого ли, что Иван Петрович был совсем не злой, а напротив, какой-то очень грустный, или от чего другого, только Леньку вдруг начала дрожь колотить.

— Иван Петрович... Я ее обратно унесу... Честное слово... Не сейчас... Ночью унесу и на место посажу... Иван Петрович...

Говорит, говорит Ленька, а сам трепещет весь, как осинка на ветру

— Хотел же я садик посадить... опыты делать, как вы...

Говорит-стрекочет Ленька, как птица, попавшая в сеть. И это стрекотанье вывело Ивана Петровича из горестной задумчивости. Глянул он в Ленькины сухим блеском горевшие глаза, — боже ты мой, весь парнишка ходуном ходит! Все он сделает сейчас для тебя, старик, — и дурное и хорошее — прикажи только. В твоих руках, Иван Петрович, это юное человечье деревце. И если ты не знаешь, как тебе надо сейчас поступить, — плохой же ты будешь, братец, и учитель, и садовод, и человек!

— А ну, тащи лопату! Ну-ну, чего стоишь? Тащи, говорю.... Так. Где надумал садик разбивать — показывай....

Иван Петрович сам наметил квадрат а Леньке приказал копать ямку Потом они вместе садили яблоню: Иван Петрович держал ее за тонкий гладенький ствол, а Ленька расправлял корни и сыпал на них землю, осторожно приминая ее руками. Потом Иван Петрович слегка притоптал землю вокруг яблоньки.

Ленька тем временем принес ведро воды. Иван Петрович сам полил яблоню, осторожно ведя струю по краям квадрата. Потом они постояли немного около посаженного деревца — сияющий Ленька и Иван Петрович.

Уходя, он не говорил Леньке обидных слов. И никогда об этом не жалел.

Шесть лет прошло с этого случая. Ленька вырос, стал садоводом. По всему видать — хорошую «прививку» сделал тогда Иван Петрович.

11

Пришлось как-то Ивану Петровичу экспедитором поработать. Появилась вдруг нужда в стройтресте перевести его на эту должность. Иван Петрович, как всегда, безотказен: раз надо, значит надо! Здесь тоже его энергия да заботливость пришлись к месту. Только возьми и затоскуй человек. Чем ближе к весне, тем тревожнее становилось на душе у Ивана Петровича. Новую шахту заложили, больницу достраивают... Придут люди — а вокруг пустырь, глаза не на чем остановить. Разве можно такое допустить!

А кроме всего — его бригада грузчиков. Свыкся он с ними, полюбил. И они к нему привыкли — здоровые парни, с крепкими загорелыми шеями и могучими руками. У многих заковыристые судьбы, неискупленная вина. Один вот пришел в милицию, бросил на стол паспорт. Нигде с этой отметиной не принимают. Или работу дайте, или за старое примусь. Его послали к Ивану Петровичу. Очень уж неказистым показался Виктору этот маленький сухонький старичок. Но увидел — ребята ему подчиняются. Землю копают, кусты какие-то охапками с места на место перетаскивают. Куда старичок пальцем ткнет, туда и сядят. Работа!

Иван Петрович замечал, как лениво играет парень лопатой, как снисходительно, сверху вниз, поглядывает на него, словно ожидая, что вот-вот старик взорвется — и тогда будет потеха.

Однажды не то сгружали что-то, не то выгружали. Виктор — в стороне, будто его не касается. А Иван Петрович пристроился к ребятам, вместе с ними веревку стал тянуть. Кепчонка набок сбилась, серебром блеснули совсем белые виски. И тут Виктора будто в грудь толкнули. Подбежал. Ивана Петровича легонько ладонью отвел, свое плечо подставил.

— Р-раз — два, взяли!

— Так, ребятки, веселей, чтобы кровь не застаивалась... Молодец, Виктор! — похвалил Иван Петрович.

Словно оттаял парень с этого случая. На перекуре сбивчиво рассказывал ребятам про свою жизнь, про тех, из-за кого в шестнадцать лет стал по тюрьмам шататься, учиться бросил: «Ненавижу и проклинаяю!»

И так работать стал, будто все упущенное в жизни разом наверстать захотел.

— Хорошим человеком будет, — говорит сейчас про него Иван Петрович. А уж ему-то поверить можно!

— У каждого человека своя весна бывает. Главное — не упустить это дорогое время. Время набухания добрых почек. А не то пойдет дикая поросль, шершавая, рогозливая, ненужная, как у плохо ухоженного дерева... Главное — время не упустить...

— Когда же это время приходит — весна человека?

— У каждого по-разному, друзья мои, по-разному. У одного — раньше, у другого — позже...

— Но как же узнать, когда именно?

— А на то прибор имеется. Уж он не подведет, уверяю вас, и точно просигнализирует, когда!

— Ох, и выдумщик вы, Иван Петрович! Что это еще за прибор такой?

— Сердце это, друзья мои, сердце. Оно не подведет. Оно скажет. Почаще только слушайте его. Побольше работы ему давайте. Чтоб не заржавело...

... Мне интересно слушать Ивана Петровича. Его мысли, рассуждения о жизни, природе, человеке — не отвлеченная болтовня досужего балагура, который не прочь «побаловаться» на досуге красивым словом. Вся его целеустремленная, деятельная натура подчинена простой и ясной моральной формуле: «Нельзя жить зря»

А жить зря — значит жить только для себя, как полагает Иван Петрович.

Есть у него еще одно любимое выражение: «Это я для агитации».

Для агитации — на виду у всей улицы он вырастил яблоньку, на которой зреют плоды десяти сортов.

Для агитации — он раздает всем желающим сотни черенков и отводков редких растений.

Для агитации — он закладывает общественный ботанический сад.

Для агитации — он пустырь превращает в парк.

Для агитации — на своем крохотном приусадебном участке (пятьдесят шагов в длину, пятьдесят в ширину) он выращивает «для всех» двести видов плодовых, лекарственных и цветочных растений юга, Зауралья, Западной Сибири и Дальнего Востока. Каких невероятных трудов стоило ему не только заполучить, но и акклиматизировать многих переселенцев юга в открытом грунте.

Я видела этот чудо-питомник. Чего тут только нет! Рядом со скромной ивой-сибирячкой излучает янтарный свет полновесная гроздь молдавского винограда; по соседству с колючей облепихой прекрасно чувствует себя бессарабский персик; бок о бок с простушкой бузиной растет крымский миндаль, маньчжурский орех, закавказский гранат, канадская слива, американский клен, китайский лимонник, уссурийский абрикос... И над всем этим, словно алый вымпел, — двухметровая канна по прозвищу Индийский принц. Все это в виде семян, отводков, саженцев переселяется постепенно на площади, в сады и парки нового шахтерского городка.

Приобрести и вырастить все это стоило Ивану Петровичу не только многих трудов, но и личных средств. А ведь не раз приходилось начинать все заново. «Но я так решил: пусть лучше у меня пальто не будет, зато люди поглядят, как природа может служить человеку».

Он мог бы плюнуть на все, да и засадить свой участок земли нетребовательной и ой какой выгодной в наших местах «рентабельной» малиной. Но в том-то и

дело, что не корысть, не карманный интерес движет Иваном Петровичем, а совсем, совсем другое.

Добрее человека я не знаю. Приходите на Омскую, 31 — отказа ни в чем не будет — ни в совете, ни в помощи. Но боже вас сохрани, если вы посягнете хотя бы на одну веточку, на один листочек общественного! Здесь он непримирим.

— На красивой земле и человек будет красивее, — любит повторять он.

Он добрый, но не добренький. Он не просто умиляется красотой. Он борется за нее, воюет, отстаивает ее.

14

Иной «любитель» природы все к себе тянет, за свой забор. Замечали, наверное, — высокие, добротные такие заборы, с металлической дощечкой «Осторожно, злая собака»? Есть у нас, к сожалению, такая отрасль промышленности, которая эти дощечки производит. От такого забора — прямая дорога на базар...

Я слышу в голосе Ивана Петровича непривычные, жесткие нотки.

— Так вот. Когда для парка привезли саженцы яблонь, некоторые поживиться казенным добром захотели.

Но Иван Петрович не позволил.

Нет, он не брал с собой милиционера. Он один ходил по дворам и, найдя припрятанные саженцы, коротко говорил хозяину:

— Бери, неси на место.

И вот картина. у всей улицы на виду под конвоем Ивана Петровича идут «любители» природы и не знают, куда глаза от стыда девать.

— А если успевали уже посадить?

— Ну, тем тоже несладко приходилось!

Дерево трогать не буду — рука не поднимется, — говорил в таком случае Иван Петрович. И уж у самой калитки, прищурившись, спрашивал:

— Ты, между прочим, посадить — посадил, а сорт какой — поди и не знаешь, а? Так знай: во-ро-ван-ный! Вот какой у тебя сорт, между прочим...

И, круто повернувшись, уходил, со звоном захлопывая калитку

То-то я замечаю — некоторые косятся на Ивана Петровича!

Только это его мало трогает, между прочим...

Трогает его другое.

Обидно, что некоторые люди так падки на дармовщину, хотя саженцы в поселке можно купить и стоят они недорого. Он сам ездил за ними за тридевять земель, старался, отбирал... Приходи, выбирай любой, не таясь. Так нет же! Ночью, как тать, крадется, хватает, тащит... А ведь не думает, копеечная душа, что не прибавляет тем себе дохода, а начисто обкрадывает себя.

Нет, не дает он спуску таким!

15

Время от времени я получаю от Ивана Петровича письма. Я могу проследить по ним смену всех времен года.

Зимой Ивану Петровичу, как и всегда, некогда. «Купил, наконец, телевизор. Елизавета Перфильевна и внук Олег с интересом по вечерам смотрят передачи. А

мне некогда. Горком КПСС назначил меня заведующим агитпунктом, и мне работы хватает...»

Но как бы ни было некогда Ивану Петровичу, он не бросает свою бессменную службу погоды, и я, например, узнаю от него, что 16 января 1963 года температура воздуха в Беловском районе была минус тридцать пять. А 22 декабря 1962 года поздно вечером в поселке Черта он наблюдал редкое явление. В разгар зимы вдруг стало четыре градуса тепла, заблестала молния, загредел гром и полил ровный долгий дождь. Такое он помнит в этих местах лишь в 1922 году

Накануне каждого нового года, по традиции, местные организации обращаются к Ивану Петровичу с просьбой украсить стадион ледяными скульптурами.

Тут уж дело находится для всей его небольшой семьи. Внук Олег помогает столярам сколачивать деревянные каркасы для будущих витязей и серых волков, Елизавета Перфильевна поливает снег водой, чтобы Ивану Петровичу было удобнее лепить.

И вот вместе с новогодним поздравлением я получаю от Ивана Петровича и полный рапорт о том, какие скульптуры нынче им сделаны. Как живую, вижу серую цаплю, подогнувшую одну ногу под крыло, словно ей и в самом деле холодно; и подгулявшего по поводу Нового года волка в обнимку с хитрой лисой; и зайца на лыжах; и удалую тройку медведей, впряженных в кошевку...

Право же, без выдумок Ивана Петровича новогодний праздник в поселке не был бы таким веселым.

«...Из Костромской области в обмен на чубуки получил семена отличной земляники. Буду внедрять...

...Хабаровский дендрарий выслал актинидию, растение у нас неизвестное. Высажу в общественный ботанический сад.

...Выборы прошли успешно. На нашем агитпункте к 17 часам проголосовали все избиратели. Считаю, что партийное поручение выполнил.

...Договорился, чтобы в наше Чертинское море пустили рыбу — серебристого карпа и карася.

...У парка Нового городка теперь есть хозяин — шахта «Чертинская-Западная». Парку названия еще не придумали. Но я бы назвал «Здоровье»

...Сегодня срочной посылкой выслал на Камчатку плодоносящие виноградные саженцы, крыжовник, смородину, два сорта вишни, облепиху, сирень, сливы, семена разных цветов и клубни канн. Приложил инструктаж. Пусть на этой суровой земле мои посланцы будут пионерами изобилия и красоты.

...Прошло три года. Наконец, я могу сказать, что вывел два сорта винограда, настоящие сибиряки. Они не вымерзают от мороза, дают сверххранное созревание ягод. На некоторых кустах было по 140 гроздей — это более двадцати килограммов ягод. Один сорт я решил назвать «Шахтер» — в честь тех, для кого тружусь и стараюсь, в честь настоящих хозяев родного Кузбасса.

...У меня росла яблонька — дичок сибирский. Яблочки величиной с рябину. Однажды весной приобрел черенок для прививки из Гурьевска от полукультурки. Плоды у нее были круглые, весом по 18 граммов, желтоватого цвета, вкусные. Подвой с привоем оказались несовместимыми, и вышли у меня яблоки совершенно нового вида по сравнению с родительскими: конусообразные, желтоватые, с розовыми полосками, сладкие, ароматные, с сочной мякотью. Вес плода до 60 граммов. Плодоносит ежегодно. Яблочки растут не отдельно на ветке, а колониями — по 4—5 штук вместе. Этот сорт назвал «Гибрид Чертинский» в честь моих земляков».

В апреле получаю письмо: «Сдаю свое экспедиторство и опять берусь за озеленение новыхстроек»

А потом приходят новые письма от Ивана Петровича.

«...Заложил по счету четвертый парк культуры и отдыха площадью четыре гектара на территории строящейся обогатительной фабрики.

...Озеленял хвойными деревьями территорию городской больницы Нового городка. Двести деревьев высотой до двух метров привезли из леса с материнским комом земли. На месте обучал бригады рабочих, как выкапывать и сажать деревья.

...У меня созревает новый план. 19 мая был в колхозе имени Ильича. У них большое желание заложить сад, гектаров на тридцать. А садовника нет. Приглашают меня. Это меня радует. Возможно, к ним и перекочую. Заложу там питомник, построю теплицу колхозную, и ни одного двора в колхозе не будет без сада — вот моя мечта. Лиза со мной согласна, а также внук Олег. Он оканчивает восьмой класс, твердо решил стать агрономом. Он будет наследником моего любимого дела.

С коммунистическим приветом — Красильников И. П.»

16

Простой советский человек — так называют людей, подобных Ивану Петровичу. Да и сам он — посчитай его героем — с удивлением посмотрит на тебя, потом начнет дергать свою кепочку, покашливать. И, наконец, энергично расправив складки суконной гимнастерки военного образца, скажет с нотками легкой укоризны в твой адрес: «Нельзя жить зря...».

Какое-то особенное состояние испытываю я всегда, читая письма Ивана Петровича. Чувство смутной тревоги, беспокойства, неудовлетворенности собой охватывает меня. Хочется скорее и больше делать, больше успеть. Время в этот момент для меня уже не что-то такое отвлеченное, абстрактное. Оно рядом со мной и неумолимо, требовательно предъявляет свой счет за каждый праздно, вяло прожитый день, минуту, секунду...

Нельзя жить зря!

Нельзя только брать от земли ее цветы, краски, запахи, ее мед, молоко, хлеб!

Как ты живешь, работаешь, мыслишь?

Кого оделяешь своей заботой, тревогой, любовью, радостью?

Чему отдаешь силу своих рук, широту души, красоту вдохновения, беспокойство мечты?

Каждая строчка, каждая буква писем спрашивают...

И я думаю: хорошо, что есть такие люди, рядом с которыми и тебе хочется стать лучше.

*Кемерово — поселок Черта
1962—1964*

Лобанова Раиса Федоровна

ИВАН ПЕТРОВИЧ,
МОЙ ЗНАКОМЫЙ

Редактор Л. Глебова
Худож. редактор О. Красова
Техн. редактор Г Рудина
Корректор С. Попова

Сдано в набор 22/VII-1964 г.
Подписано к печати 21/VIII-1964 г.
Формат 70×108/32. Печ. л. 1,75.
Авт. л. 1,39. Уч.изд. л. 1,56. Тираж 2000.
ОП00233. Цена 5 коп. Заказ 5538.
Кемеровское книжное издательство.
Кемерово, Кирова, 26.
Типография «Кузбасс», Кемерово,
Кузнецкая, 9.

Цена 5 коп.

**КЕМЕРОВО
1964**